

МИРА ЛИНЧ

Я БУДУ ЕГО КУКЛОЙ...
НО КУКЛЫ ТОЖЕ
УМЕЮТ МСТИТЬ

Мира Линч

Я буду его куклой... Но куклы тоже умеют мстить

<https://litres.ru/74213314>

Аннотация

Она пришла в его дом, чтобы уничтожить. Молодая женщина, движимая жадой мести, добровольно становится «куклой» в руках влиятельного и опасного мужчины. Он привык контролировать всё и всех, и она — очередная игрушка, которой можно управлять. Но у неё есть тайная цель — заставить его заплатить за разрушенную жизнь.

Однако чем глубже она погружается в его мир, тем яснее понимает: за его ледяной маской скрывается боль, которую он носит в одиночестве. Её ненависть начинает таять, уступая место чему-то более опасному — доверию, страсти и любви. А когда истинный враг выходит из тени, она осознаёт: её план мести был лишь частью чужой игры. Теперь она должна выбрать — завершить начатое или спасти человека, который стал её жизнью.

Смогут ли охотник и жертва стать союзниками в смертельной битве с прошлым? И готова ли она заплатить любую цену, чтобы стать не куклой, а женщиной, которая сама выбирает свою судьбу?

Содержание

Глава 1. Сделка	4
Глава 2. Правила хозяина	12
Глава 3. Золотая клетка	20
Глава 4. Маска покорности	28
Глава 5. Первое нарушение	35
Глава 6. Его прошлое	42
Глава 7. Маленькая победа	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Сделка

Глава 1. Сделка

Дождь хлестал по тонированному стеклу «Майбаха» так, будто сам город пытался смыть ее с лица земли, прежде чем она совершит непоправимое. Лера сидела на идеально гладкой коже заднего сиденья, чувствуя, как ткань платья липнет к влажной спине. Она смотрела на капли, сползающие по стеклу, и пыталась восстановить дыхание. Каждый вдох давался с трудом — словно кто-то сжал ее грудную клетку стальными обручами.

— Нам нужно поговорить, — сказал мужчина напротив нее. Его голос был сух, как перекачиваемая ветром пыль. Он сидел с идеально прямой спиной, сложив руки на коленях. Седой висок, дорогой костюм от Brioni, взгляд человека, который привык покупать и продавать не только компании, но и судьбы. Дмитрий Сергеевич Морозов. Посредник. Она знала о нем лишь то, что он связан с «тем» миром. Миром, куда она так отчаянно хотела попасть.

— Я вас слушаю, — ответила Лера, и ее голос прозвучал ровнее, чем она ожидала. Внутри нее бушевал ураган, но его было не слышно. Хорошо. Это пригодится. Ей придется часто скрывать шторм, бушующий за ее собственными глазами.

— У меня для вас предложение, которое вы не сможете

игнорировать, — Морозов выдержал паузу, наслаждаясь моментом. Он был из тех, кто любит театральность, кто ценит эффект. — Я знаю, зачем вы ищете встречи с Константином Корсаковым. Я знаю о вашей сестре.

Лера дернулась. Это было рефлекторное движение, которое она не смогла контролировать. Ее сердце пропустило удар, а затем забилося с бешеной скоростью. Гнев, страх и надежда смешались в единый комок, застрявший в горле. Она сжала руки в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы.

— Что вы знаете? — спросила она, и в голосе прорезалась сталь. Больше она не могла играть в прилежную студентку, ищущую наставника. Маска дала трещину.

Морозов усмехнулся, обнажив ровные, ослепительно белые зубы, от чего стал похож на акулу.

— Я знаю, что Алису Корсакову, единственную дочь нашего общего... знакомого, нашли мертвой в ее собственной квартире четыре года назад. Официальная версия — самоубийство. Но вы, как и я, знаете, что это ложь. Знаете, что ее убил Константин, потому что она что-то знала. Знала и не смогла промолчать.

Лера сглотнула. Горло саднило, словно она глотала стекло. Алиса. Ее старшая сестра. Та, кого она любила больше жизни. Та, что всегда защищала ее от жестокого мира, а в итоге сама стала его жертвой. Она была единственной, кто знал правду о детстве Константина, о том, как он стал тем,

кем стал. И за эту правду она заплатила жизнью.

— Чего вы хотите? — выдавила из себя Лера. Слез не было. Плакать она себе запретила еще в тот день, когда подписала бумаги о кремации тела сестры. Теперь у нее была только одна цель.

— Хочу предложить вам сделку, — Морозов наклонился вперед, его голос стал доверительным, почти интимным. — Я устрою вам встречу с Корсаковым. Я позабочусь о том, чтобы он вами заинтересовался. Вы войдете в его дом. Вы станете... частью его жизни.

Он сделал акцент на слове «частью», и в его глазах мелькнуло что-то грязное, что Лера предпочла не замечать.

— Я стану подстилкой для монстра, чтобы... что? — горько усмехнулась она. — Чтобы вы получили от этого выгоду?

— Чтобы у нас обоих появилась возможность его уничтожить, — спокойно ответил Морозов. — У меня есть свои счета с Костиком. У вас — свои. Я даю вам инструмент и доступ. Вы даете мне информацию и... полный контроль над ситуацией. Вы будете моей пешкой. Но вы будете пешкой на нужном поле.

Лера отвернулась к окну. Дождь все не прекращался. Город за стеклом расплывался в серую массу, лишенную четких очертаний. Она думала об Алисе. О том, как сестра звонила ей за день до смерти. Голос был сбивчивый, испуганный. «Лера, он знает. Он все знает. Если со мной что-то случится... обещай, что не станешь его искать. Он уничтожит

тебя, не моргнув глазом. Просто живи». Лера тогда не поняла, что Алиса прощается.

Она не стала жить. Но она обещала, что отомстит.

— Что я должна сделать? — голос Леры прозвучал тихо, но в нем не было сомнений. Только холодная, выверенная решимость.

Морозов довольно кивнул и достал из внутреннего кармана пиджака тонкий конверт.

— Вот все, что вам нужно знать. Костя любит коллекционировать красивые игрушки. Он ищет не женщину, а куклу, которой можно управлять. Молчаливую, послушную, идеально сложенную. Вы подходите по всем параметрам. Будете идеальной куклой, Лера. А когда он расслабится, начнете играть по своим правилам.

Он протянул ей ключи от квартиры в центре, карту доступа и небольшую фотографию. На ней был мужчина с идеальной внешностью и абсолютно пустым взглядом. Константин Корсаков. Тот, кто стоял между ней и правдой. Тот, кто держал ее будущее в своих руках, даже не подозревая об этом. При виде его лица у Леры заныло в груди. Она запомнила каждую черточку. Каждый миллиметр его холодного лица, которое ей предстояло видеть каждую ночь.

— Я согласна, — произнесла она. В ушах зашумело. Морозов улыбнулся шире.

— Мудрое решение. У вас есть три дня, чтобы собраться. И запомните, девочка. Костя — не просто богатый маль-

чик. Он — хищник. Он чувствует страх, как акула чувствует кровь. Никогда не позволяй ему увидеть твои настоящие чувства. И запомни главное: если он поймет, что ты охотишься на него, он убьет тебя. Быстро и без сожаления.

Три дня пролетели, как одно мгновение. Лера стояла перед тяжелыми дубовыми дверями особняка Корсакова. Это было не просто здание — это была крепость. Высокий забор с колючей проволокой и датчиками движения, видеокамеры на каждом углу, охрана у входа с лицами, не выражающими ничего, кроме готовности применить силу. Она была одета в простое черное платье, которое подчеркивало все изгибы фигуры, но не выглядело вызывающим. На шее — тонкая цепочка, единственное, что осталось от Алисы. Она сжала кулон в ладони, чувствуя холод металла.

Охранник, здоровенный детина с бычьей шеей, молча открыл ей дверь и жестом пригласил внутрь. Она вошла. Внутри было тихо и холодно, как в склепе. Белоснежный мраморный пол, высокие потолки, хрустальная люстра стоимостью в несколько миллионов, антикварная мебель — все здесь кричало о деньгах и абсолютной пустоте. Это был дом, лишенный души. Дом, от которого веяло одиночеством и смертью. Теперь это был ее дом. Ее тюрьма.

Из глубины коридора раздались размеренные шаги. Лера замерла. Она знала, кто это. Она готовилась к этой встрече четыре года. Мысленно репетировала каждое слово, каждый жест, каждый взгляд. Но когда он появился на пороге гости-

ной, все ее приготовления рассыпались в прах.

Константин Корсаков был не просто красивым. В нем была та пугающая, хищная красота, которая завораживает и парализует волю. Темные волосы, зачесанные назад, острые скулы, словно выточенные из мрамора, и глаза такого холодного серого цвета, что они казались кусками льда. Он был высок, широк в плечах, и в каждом его движении чувствовалась сила, способная раздавить. Он двигался с грацией крупного зверя — опасного и грациозного. Когда его взгляд упал на Леру, у нее перехватило дыхание. В нем не было ни капли интереса, ни капли эмоций. Только холодное оценивание. Как будто он смотрел не на живого человека, а на картину, которую собирался купить или выбросить.

— Валерия, — произнес он. Его голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой. Он не спрашивал. Он утверждал. — Мне о вас рассказали. Говорят, вы ищете работу. Я ищу... помощницу. Особого рода.

Он сделал шаг к ней, и Лера почувствовала его запах. Дорогой одеколон с нотами кожи и табака, и что-то еще, что она не могла определить, но от чего у нее пересохло в горле.

— Я готова работать, Константин... — начала она, но он перебил ее, жестом руки остановив.

— Здесь ты будешь называть меня только «господин». Ты будешь делать только то, что я скажу. Ты будешь носить только то, что я разрешу. У тебя не будет личного времени, личного пространства и личной жизни. Ты станешь моей вещью.

Ты согласна на это? — он наклонил голову, и в его глазах мелькнула тень усмешки. Он проверял ее. Ждал, что она сломаётся.

Внутри Леры все кипело от ненависти. Его слова звучали как приговор. Но она знала: для того чтобы уничтожить зверя, нужно войти в его логово. Нужно заставить его поверить, что ты беззащитна. Она опустила глаза, делая вид, что смущена. Ее голос дрогнул.

— Я согласна, господин, — прошептала она, чувствуя, как слово обжигает ей губы.

Константин усмехнулся и шагнул к ней совсем близко. Теперь их разделяло несколько сантиметров. Его рука легла на ее подбородок, приподнимая ее лицо вверх. Его пальцы были холодными и жесткими. Он смотрел в ее глаза так пристально, словно пытался прочесть ее мысли. Лера задержала дыхание.

— Хорошая девочка, — прошептал он, и его дыхание коснулось ее губ. — Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Он отпустил ее и развернулся, бросив через плечо:

— Кира проведет тебя в твою комнату. Через час будешь ужинать со мной. И запомни, Валерия... я не терплю непослушания. Одно неверное движение, один неверный взгляд, и ты пожалеешь, что переступила порог моего дома. Ты поняла?

Она кивнула, не в силах выдать из себя ни звука.

Он исчез в глубине коридора, оставив после себя запах

дорогого одеколона и ледяное ощущение на коже. Лера стояла неподвижно, стараясь унять дрожь в руках. Она вошла. Она сделала первый шаг. Теперь оставалось не сойти с ума и дожидаться момента, когда она сможет нанести удар.

Ее рука машинально коснулась кулона на шее. «Я сделаю это, Алиса, — мысленно пообещала она. — Он заплатит. Он все заплатит».

И в этот момент, когда ее внутренний голос произносил эти слова, в гостиной погас свет, и она услышала тихий смех. Смех женщины, доносившийся из темноты. Лера резко обернулась, но никого не увидела. Ей показалось? Или она уже начала терять рассудок в этом проклятом месте?

Она сглотнула и шагнула в сумрак. Ее тело было здесь, но душа уже начала свой путь в ад.

Глава 2. Правила хозяина

Глава 2. Правила хозяина

Комната, которую Лере отвела Кира, оказалась роскошной тюремной камерой. Шелковые простыни, антикварное бюро, огромная кровать с балдахином, ванная с мраморной отделкой и джакузи, вид на залитый дождем парк. Все здесь кричало о деньгах, но ничто не напоминало о жизни. На стенах не было фотографий, на полках — книг, на туалетном столике — ни единой личной вещи. Только стерильная красота, от которой сводило скулы. Она подошла к окну и провела пальцем по стеклу — оно было безупречно чистым. Как и все в этом доме. Безупречно чистое, безупречно холодное, безупречно мертвое.

Она переделалась в платье, которое висело в шкафу. Оно было выбрано без ее участия — шелковое, темно-бордовое, с разрезом до бедра и глубоким декольте. Идеально сидело, будто сшито на заказ. Лера с отвращением смотрела на свое отражение в зеркале. Она выглядела как дорогая игрушка, выставленная на витрине. Как кукла. Именно этого он и хотел. Что ж, она даст ему эту иллюзию.

Когда она спустилась в столовую, Константин уже сидел за огромным столом из темного дерева. Он перелистывал какие-то бумаги, даже не взглянув на нее, когда она вошла. Но она знала — он все видит. Каждый ее шаг, каждое движе-

ние, каждый предательский вздох. Мужчина умел замечать детали — это было написано в его досье, которое Морозов предусмотрительно подсунул ей. Корсаков не пропускал ничего. Именно поэтому с ним было так трудно. Но именно поэтому его можно было уничтожить — через те мелочи, которые другие считают неважными.

— Садись, — бросил он, не поднимая головы.

Лера послушно опустилась на стул напротив. Официант — бесшумный, как призрак — поставил перед ней тарелку с идеально приготовленным стейком и овощами. Она не чувствовала голода, но знала, что должна есть. Иначе это станет поводом для вопросов. Она взяла нож и вилку, стараясь, чтобы руки не дрожали.

Он поднял голову. Его серые глаза впились в нее, изучая каждый миллиметр лица.

— Я хочу, чтобы ты поняла одну вещь, Валерия, — произнес он, и его голос лишился всякой вкрадчивости, став жестким, как сталь. — Здесь нет места случайностям. Ты здесь, потому что я позволил тебе здесь быть. Если ты думаешь, что сможешь вести двойную игру, ты ошибаешься. Я знаю о тебе все. Твой отец умер, когда тебе было шесть. Мать ушла в запой, когда тебе исполнилось пятнадцать, и ты растила сестру одна. Ты закончила университет с отличием, но не смогла найти работу по специальности. Ты работала официанткой, потом помощницей в адвокатской конторе, потом ушла в никуда. А теперь ты здесь, у меня. Почему?

Он откинулся на спинку стула, ожидая ответа. В его глазах мерцал холодный интерес. Она знала — он проверяет ее. Хочет увидеть, сломается ли она под давлением его всезнания. Лера опустила взгляд, заставляя себя замедлить сердцебиение. Она знала, что должна дать ему правду, но не всю. Только ту, что он уже знает.

— Я ищу стабильность, — тихо ответила она. — Я устала выживать. Я хочу... забыть. Начать новую жизнь. Я слышала о вас. О том, что вы... даете женщинам шанс. Защиту. Я пришла за этим. За шансом.

В голосе она позволила себе легкую дрожь, которую он мог бы принять за страх или смущение. На самом деле ее трясло от злости. От того, что она вынуждена унижаться перед убийцей своей сестры.

Константин усмехнулся, и в его усмешке не было тепла.

— Защиту, — повторил он, пробуя слово на вкус, словно оно было вином. — Хорошо. Я дам тебе защиту. Но за нее ты заплатишь. Полной покорностью. И абсолютной честностью. Если я задаю вопрос, ты отвечаешь. Если я прошу тебя сделать что-то, ты делаешь это. Если я говорю тебе молчать, ты молчишь. Ты не выходишь из дома без моего разрешения. Ты не пользуешься телефоном без моего ведома. Ты не общаешься с другими мужчинами. Ты полностью и целиком принадлежишь мне. Ты готова на это?

Лера медленно подняла глаза. Она смотрела прямо в его лицо, стараясь не отводить взгляд. Он был красив, черт воз-

ми. До тошноты красив. В его чертах было что-то античное, жестокое и безупречное одновременно. Она ненавидела его всем сердцем, но ее тело, предательски, реагировало на его близость. Она чувствовала это. И ненавидела себя за это.

— Я готова, господин, — прошептала она.

Он встал из-за стола и медленно обошел его, остановившись за ее спиной. Она чувствовала его присутствие, его тепло, его дыхание на своей шее. От этого по коже бежали мурашки — и не только от страха. Он был слишком близко, слишком опасен. Его рука легла на ее плечо — тяжелая, собственническая. Пальцы сжались, почти до боли. Лера сжала челюсти, чтобы не дернуться.

— Хорошая девочка, — снова прошептал он, и его голос стал бархатистым, почти ласковым. — Но я проверю твою преданность. Сейчас. Вставай.

Она послушно поднялась, чувствуя, как он стоит прямо за ней, почти касаясь ее спины. Он развернул ее к себе и посмотрел в глаза. Его взгляд был тяжелым, испытующим, и Лере показалось, что он видит ее насквозь.

— Разденься, — приказал он, и в его голосе не было ни капли сомнения.

Внутри Леры все похолодело. Она готовилась к этому. Знала, что это может случиться. Но когда момент настал, когда его холодные глаза смотрели на нее с требованием, она поняла, насколько трудно будет играть роль до конца. Ее руки дрогнули, пальцы сжали ткань платья. Секунду она коле-

балась. Потом заставила себя сделать глубокий вдох и потянула за лямку.

Платье упало к ее ногам, оставляя ее перед ним в одном белье — черном кружевном, таком же, которое когда-то носила Алиса. Лера зажмурилась на мгновение, прогоняя образ сестры. Она была здесь. Она должна выжить. Она заставила себя поднять глаза и встретиться с ним взглядом. Константин смотрел на нее без эмоций. Без желания. Без интереса. Он просто смотрел, оценивал, как оценщик смотрит на антикварную вещь.

— Повернись, — сказал он.

Она повернулась, чувствуя его взгляд на своей спине, на изгибе талии, на бедрах. Ее лицо горело от унижения. Но она не плакала. Она дала себе слово, что не заплачет перед ним ни разу. Слезы — это слабость, а слабость он использует против нее. Она выдержит. Должна выдержать.

Когда она снова повернулась к нему, его лицо оставалось непроницаемым. Он не прикоснулся к ней. Просто кивнул, как будто удовлетворил свое любопытство.

— Можешь одеться. И запомни, — он наклонился к ее уху, и его дыхание обожгло кожу. — Ты не будешь лгать мне. Я всегда узнаю правду. Если ты солжешь хоть раз, я сделаю твою жизнь здесь невыносимой. Ты не уйдешь от меня, Валерия. Даже если захочешь. А я знаю, что ты захочешь. Но ты будешь здесь. До тех пор, пока я сам не решу, что ты мне больше не нужна. И тогда... — он сделал паузу, — тогда ты

исчезнешь навсегда.

Лера замерла. В его словах была угроза, которая не была пустой. Она знала, что он способен на все. Она слышала истории. Но то, что она видела сейчас в его глазах, было хуже, чем любые истории. В его взгляде была пустота. Абсолютная, ледяная пустота человека, который потерял способность чувствовать. Это было страшно. Но это же давало ей шанс. Такой человек не ожидает удара от той, кого считает игрушкой.

Она молча натянула платье, стараясь, чтобы пальцы не дрожали. Он стоял и смотрел. Наслаждался ее унижением. Она видела это в легкой усмешке, тронувшей его губы.

— Завтра в семь утра ты будешь в моем кабинете, — бросил он, разворачиваясь и направляясь к выходу из столовой. — Не опаздывай. Я не люблю, когда заставляют себя ждать.

Когда дверь за ним закрылась, Лера выдохнула. Воздух со свистом вырвался из ее легких, и она почувствовала, что ее колени подгибаются. Она ухватила за край стола, сжимая его так сильно, что костяшки побелели. Сердце колотилось где-то в горле, но она не дала себе упасть. Она заставила себя глубоко дышать, восстанавливая контроль над телом.

Потом она подошла к окну и посмотрела на ночной парк. Дождь закончился. Небо прояснилось, и на черном бархате зажглись звезды. Они казались холодными и далекими, как сам Корсаков. Но она знала, что даже звезды можно погасить. Если достаточно сильно захотеть.

Она достала из сумочки телефон. Тот самый, который он мог бы отобрать в любой момент. Она быстро напечатала сообщение Морозову: «Я внутри. Начинаю охоту».

Отправила и тут же удалила историю. Телефон обратно в сумку. Идеально. Чисто. Безупречно.

Но когда она уже собиралась выйти из столовой, ее взгляд упал на край стола, где лежала маленькая фотография. Лера подошла ближе. На фото была женщина с темными волосами и глазами, которые она узнала бы из тысячи. Алиса. Она стояла рядом с Константином и улыбалась. Улыбалась так счастливо, как Лера не видела ее уже много лет. Под фотографией была подпись: «Навечно моя. К.К.»

У Леры перехватило дыхание. Он хранил фотографию ее сестры. Он убил ее, но хранил фото. В этом было что-то настолько извращенное, что ее начало тошнить. Она сжала кулон на шее, чувствуя, как в груди разрастается холодная ярость.

Она повернулась к двери и вышла из столовой, оставляя за спиной этот дом-склеп. Но в голове пульсировала одна мысль: он не просто убил Алису. Он что-то чувствовал к ней. И это что-то могло стать ее оружием. Ее ключом к его уничтожению.

Когда она поднималась по лестнице в свою комнату, тишина дома давила на уши. И снова ей показалось, что где-то в коридоре раздался тихий женский смех. Лера остановилась, прислушиваясь. Но вокруг было только молчание.

Только ее собственное дыхание и стук сердца.

«Ты сходишь с ума, — сказала она себе. — Прекрати. Соберись».

Она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Но когда она подошла к кровати, ее взгляд упал на подушку. На белоснежной наволочке алыми буквами было вышито всего одно слово: «Лгунья».

У Леры подкосились ноги, и она рухнула на кровать, чувствуя, как ледяной страх заливает каждую клетку ее тела. Кто-то знал. Кто-то уже знал, что она здесь не просто так. И этот кто-то был внутри этого дома.

Она сжала кулон в ладони, чувствуя, как ее план трещит по швам еще до того, как она успела сделать первый ход.

Глава 3. Золотая клетка

Глава 3. Золотая клетка

Лера не спала всю ночь. Она лежала на шелковых простынях, глядя в потолок, и пыталась унять бешеный стук сердца. Надпись на подушке — «Лгунья» — въелась в память, пульсировала под веками каждый раз, когда она закрывала глаза. Она перевернула подушку, но вышивка была только с одной стороны. Кто-то специально подготовил это послание для нее. Кто-то ждал ее прихода.

Мысли метались, как загнанные звери. Кира? Та самая бесшумная экономка с лицом фарфоровой куклы. Может быть, она была шпионкой Морозова? Но тогда зачем ее пугать? Или это сам Корсаков проверял ее на прочность — хотел увидеть, как она отреагирует на угрозу, которую не сможет объяснить? Но в его глазах не было никакого намека на игру, когда он смотрел на нее за ужином. Он был искренне холоден и безразличен, как удав. Она вздохнула, перевернулась на бок и уставилась в стену, где на обоях вился золотой узор.

«Ты в логове зверя, — напомнила она себе. — Здесь каждый может оказаться врагом. Или никто. Или все. Ты должна быть готова ко всему».

Первый солнечный луч пробился сквозь тяжелые портьеры, когда она наконец решилась встать. Подошла к встроен-

ному шкафу и, как и ожидала, нашла там новое платье — строгое, серое, с высоким воротом, почти монашеское. Оно было в тон ее настроению. Она оделась, затянула волосы в жесткий пучок и посмотрела на себя в зеркало. Утреннее лицо выглядело бледным, под глазами залегли тени, но в зрачках горел холодный огонь. Она была готова.

В кабинете Константина она появилась ровно в семь, как он и приказал. Дверь была приоткрыта, и она толкнула ее, входя внутрь. Кабинет оказался огромным — книжные шкафы от пола до потолка, тяжелая дубовая мебель, на стенах — картины в массивных рамах. Он сидел за столом, и перед ним стояла чашка кофе, от которого поднимался ароматный пар. Он даже не поднял головы, когда она вошла. Его пальцы быстро стучали по клавиатуре ноутбука. Она застыла у двери, не зная, что делать.

— Садись, — бросил он, указывая на стул напротив.

Она села, сложив руки на коленях. Он поднял взгляд, и его серые глаза скользнули по ней, оценивая. Лера заметила, что он обращает внимание на каждую мелочь: на то, как она сидит, как дышит, как смотрит. Его взгляд задержался на ее волосах, собранных в пучок, и она уловила легкую усмешку.

— Сегодня ты будешь сопровождать меня на деловую встречу. Наденешь то, что я скажу. Будешь молчать и улыбаться. Ты поняла?

— Да, господин, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он кивнул и снова вернулся к экрану. На несколько минут воцарилась тишина, нарушаемая только стуком клавиш. Лера сидела неподвижно, но глаза ее блуждали по кабинету. Она пыталась запомнить каждую деталь: фотографию в рамке на столе, повернутую к нему так, что она не видела снимок; запертый сейф в углу, встроенный в стену; книгу, лежащую на краю стола, с закладкой на середине. Она не могла разглядеть название, но почувствовала, что это важно. Ей нужно будет вернуться сюда, когда его не будет.

— Ты что-то ищешь? — спросил он внезапно, и его голос был холоден, как сталь.

Лера вздрогнула, но совладала с собой. Она быстро опустила глаза.

— Я просто осматриваюсь, господин. Я хочу знать, что вас окружает. Чтобы лучше понимать ваши привычки. Чтобы быть полезной.

Он усмехнулся, но в усмешке не было тепла.

— Полезной, значит. Хорошо. Тогда иди сюда.

Она встала и подошла к столу. Он указал на стопку бумаг.

— Разбери эти документы. Отсортируй по датам. И не вздумай заглядывать в содержание. Иначе я вырву тебе язык. Ты поняла?

— Да, господин, — ответила она, и в душе ее взметнулась холодная радость. Он дал ей доступ к документам! Даже если он запретил смотреть, у нее появится возможность. Нужно только запомнить, что лежит сверху, и найти момент, чтобы

пролистать остальное. Она взяла бумаги и вернулась на свое место.

Он снова уткнулся в ноутбук. Лера сделала вид, что сосредоточена на сортировке, но на самом деле она лихорадочно запоминала все, что видела. Верхний лист — финансовый отчет какой-то компании. «Аргус Холдингс». Суммы были астрономическими. На втором — список имен, каждое из которых было перечеркнуто красным. Ее сердце ухнуло. Она не могла прочитать все — он мог заметить, что она слишком долго смотрит на один лист, — но она запомнила одно имя: Соболев. Оно было отмечено жирным крестиком. Соболев... она слышала эту фамилию. Это был ближайший партнер Корсакова, пока не исчез при загадочных обстоятельствах два года назад. Значит, список — это те, кто исчез после встречи с Корсаковым?

Она заставила себя отвести взгляд и перевернуть страницу. Пальцы слегка дрожали, но она держала их на бумаге, будто бы просто раскладывала документы по хронологии. Когда она дошла до нижней части стопки, она заметила конверт, на котором было написано ее имя. Ее сердце замерло. Она подняла глаза на Константина. Он не смотрел на нее. Она осторожно приподняла конверт, словно проверяя, не ошиблась ли. На нем было написано: «Валерии К. Лично».

Лера замерла. Кто мог отправить письмо? Это не мог быть Морозов — они договорились, что вся связь будет через зашифрованные сообщения. Это не мог быть сам Корсаков —

он бы не стал так изощряться. Она медленно перевернула конверт, но на нем не было обратного адреса. Только ее имя, выведенное аккуратным каллиграфическим почерком.

— Что ты там нашла? — раздался голос Константина, и он резко поднялся из-за стола. — Ты читаешь то, что я запрети́л?

Он приблизился к ней в два шага, его лицо стало жестким. Он выхватил конверт из ее рук, не дав ей даже открыть его. Лера вскочила с места, но он уже разорвал конверт, вытащил листок и пробежал по нему глазами. Его лицо изменилось. На секунду она увидела удивление, а потом его черты снова стали холодными и непроницаемыми.

— Откуда это? — спросил он, обращаясь к ней, но глядя куда-то сквозь нее.

— Я не знаю, господин, — ответила она, и ее голос дрогнул искренне. — Я просто сортировала бумаги, как вы велели.

Он повернулся к ней, и его глаза впились в ее лицо. Они были холодны, как лед, но в них горело что-то, что она не могла определить. Ярость? Страх? Или, может быть, паранойя?

— Это пришло вчера вечером, — сказал он, словно разговаривая сам с собой. — Курьер оставил на ресепшене. Без подписи. Только твое имя.

Он протянул ей листок. Лера взяла его дрожащими руками и прочитала. Там было всего несколько слов, напечатан-

ных на обычном принтере: «Она не та, кем кажется. Посмотри глубже. И берегись. Смерть уже рядом».

У Леры перехватило дыхание. Ее мысли метались с бешеной скоростью. Кто-то пытался ее подставить. Или предупредить? А может, это был сам Морозов, который решил подтолкнуть события, ослабить ее позицию, чтобы она зависла от него еще сильнее? Или Корсаков сам подстроил это, чтобы посмотреть, как она отреагирует?

Она подняла глаза. Константин смотрел на нее, ожидая реакции.

— Я ничего не понимаю, господин, — прошептала она. — Я не знаю, кто это прислал. Это... это может быть кто-то, кто хочет навредить вам. Или мне. Я не знаю. Пожалуйста, поверьте мне.

Она вложила в голос всю искренность, на которую была способна. Она почти поверила себе. Константин молчал несколько секунд, и затем его рука вдруг легла на ее затылок, пальцы запутались в волосах на затылке. Он резко притянул ее к себе, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее.

— Слушай меня, кукла, — прошептал он, и в его голосе звучала металлическая угроза. — Если я узнаю, что ты имеешь отношение к этому, ты пожалеешь, что родилась на свет. Я не прощаю предательства. Я уничтожаю предателей. Ты поняла?

Она не могла дышать. Его пальцы сжимали ее волосы, и

боль была почти невыносимой. Но она не отводила взгляда. Она смотрела в его серые глаза и видела в них бездну. Бездну боли, которую он прятал за маской холода. И в этот момент она поняла: это письмо напугало его. Напугало по-настоящему. Значит, у него есть враги среди своих. Это было ей на руку.

— Я понимаю, господин, — выдохнула она. — Я не предам вас. Я клянусь.

Он отпустил ее, развернулся и подошел к окну. Его силуэт на фоне утреннего света казался высеченным из камня. Она стояла неподвижно, пытаясь унять дрожь в коленях, но в груди у нее разгоралась холодная решимость. Она знала, что должна выяснить, кто послал это письмо. Если это враг Корсакова, она может использовать его. Если это враг ее, она должна его нейтрализовать.

— Убирайся, — бросил он через плечо. — Иди в свою комнату и не выходи, пока я не позову. Встреча отменяется.

Она кивнула и бесшумно выскользнула из кабинета. Когда дверь закрылась, она прислонилась к стене в коридоре и закрыла глаза. Ее сердце бешено колотилось. Она вдохнула, выдохнула и заставила себя успокоиться.

Потом она почувствовала на себе чей-то взгляд. Открыла глаза и повернула голову. В конце коридора стояла Кира. Экономка смотрела на нее немигающим взглядом, и на ее тонких губах играла едва заметная улыбка. Лера нахмурилась, но Кира уже развернулась и исчезла за углом, оставляя

после себя только запах розового масла.

Лера сжала кулон на шее. Она поняла: этот дом — не просто тюрьма. Это паутина. И кто-то уже начал плести вокруг нее свою сеть.

Когда она вернулась в свою комнату, она подошла к столу и открыла ящик. Там, на самом дне, лежала запасная сим-карта, которую она спрятала еще при входе. Она быстро вставила ее в телефон и написала одно сообщение Морозову: «У нас проблемы. Кто-то из своих работает на него. Или на меня. Ищи крота. Срочно».

Она отправила сообщение и удалила историю. Затем она легла на кровать и уставилась в потолок, чувствуя, как игра, которую она начала, становится все опаснее с каждой минутой. И в этот момент в дверь тихо постучали. Три раза. Коротко. Настойчиво.

Лера встала, подошла к двери и открыла ее. На пороге никого не было. Только на полу лежал белый конверт, на котором тем же почерком было написано: «Они следят за тобой. Не доверяй никому. Даже себе».

Лера подняла конверт и снова оглядела коридор. Он был пуст. И тишина давила на уши, словно вата. Она захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. В руках она сжимала конверт, и пальцы ее дрожали.

Она знала одно: она не одна в этой игре. Но она не знала, кто на ее стороне. И кто ждет, чтобы нанести удар.

Глава 4. Маска покорности

Глава 4. Маска покорности

Три дня Лера жила по расписанию, которое составил для нее Корсаков. Подъем в шесть. Легкий завтрак в одиночестве. Затем час в библиотеке — он велел ей читать вслух, чтобы «привыкала к его присутствию», даже когда он занимается своими делами. После обеда она сопровождала его на коротких прогулках по парку — его рука всегда лежала на ее талии, собственническая и холодная. Вечером она ужинала с ним, почти всегда в молчании, и он наблюдал за ней с той же отстраненной внимательностью, с какой изучал бы новый экспонат. Она была покорна, молчалива и безупречна. Ровно настолько, чтобы он не находил повода для наказания, но достаточно живой, чтобы не казаться бездушной манекенщицей.

Она играла идеально. Внутри же ее раздирало от противоречий. Она ждала момента, когда он проявит себя — когда покажет ту жестокую сущность, которая, по словам Морозова, убила Алису. Но вместо этого она видела человека, который с утра до вечера сидел за бумагами, говорил по телефону сухим деловым голосом и иногда позволял себе редкие вопросы о ее самочувствии. Вопросы звучали формально, но в них был оттенок заботы, от которого у нее мурашки бежали по коже.

На четвертый день он приказал ей присутствовать на его встрече с инвесторами. Она сидела в углу его кабинета на бархатном пуфе, одетая в платье цвета слоновой кости, которое он выбрал лично. Ее задача была простой: молчать, улыбаться, подавать напитки, если он подаст знак. Она наблюдала. В комнате было четверо мужчин, все в дорогих костюмах, с лицами, привыкшими к власти. Они обсуждали слияние компаний, какие-то акции, процентные ставки, и Лера пыталась уловить суть, но ее внимание было приковано к Корсакову.

Он был другим здесь. Уверенным, жестким, почти агрессивным в переговорах. Его голос звучал как сталь, когда он отсекал возражения, и он не оставлял оппонентам ни малейшего шанса. Это было завораживающе. И пугающе. Она видела, как его пальцы сжимают край стола, когда он сдерживает гнев, как его челюсти сжимаются, когда кто-то перечит ему. Это был тот самый монстр, которого она искала.

Но после встречи, когда гости ушли, он подошел к ней и внезапно спросил:

— Ты голодна?

Лера моргнула. Это было так неожиданно, что она потеряла дар речи на мгновение. Он стоял перед ней, и в его серых глазах мерцал какой-то странный свет — почти человеческий.

— Я... да, господин, — ответила она, справившись с собой.

Он кивнул и повел ее в столовую. Ужин был сервирован на двоих, свечи горели, и вино в бокалах играло рубиновыми бликами. Это было похоже на сцену из фильма, и Лера чувствовала себя актрисой, которая не знает своей роли до конца. Они ели в тишине, но она чувствовала его взгляд на себе — изучающий, оценивающий. Когда она отпила глоток вина, он заговорил:

— Ты хорошо держишься, Валерия. Я ожидал, что ты сломаешься раньше.

Она подняла глаза.

— Я не ломаюсь, господин, — ответила она тихо. — Я сильная.

Он усмехнулся, и в его усмешке на этот раз не было издевки. Скорее, легкое удивление.

— Сильная. Интересно. Ты не боишься меня?

— Боюсь, — честно призналась она. Правда была лучшим прикрытием. — Но я не позволю страху управлять мной.

Он наклонил голову, и его взгляд стал задумчивым.

— Ты похожа на нее, — сказал он тихо, почти про себя. — На Алису.

Лера замерла. Ее сердце пропустило удар, а затем забилось с такой силой, что она испугалась, что он услышит. Он знал ее сестру. Конечно, знал. Но он сам произнес ее имя. С такой тоской, что у нее перехватило дыхание.

— Алиса? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто это?

Он перевел взгляд на окно, где медленно спускался вечерний туман.

— Никто. Просто человек, которого я когда-то знал. Ты на нее похожа, но ты не она. Ты другая. Ты сильнее.

Он встал из-за стола и подошел к ней. Его рука легла на ее плечо, и он наклонился к ее уху. Его дыхание коснулось ее кожи, и она почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Сегодня ты будешь спать в моей спальне, — прошептал он. — Не бойся. Я не трону тебя. Я просто хочу, чтобы ты была рядом. Ты не имеешь права отказаться.

Она сглотнула. В его голосе звучала абсолютная власть, но в ней не было угрозы. Было что-то другое. Что-то похожее на отчаяние. Лера кивнула, не в силах произнести ни слова.

Он провел ее в свою спальню. Это была огромная комната с кроватью под балдахином и темными стенами, где единственным источником света был камин, в котором горел огонь. Она легла на край кровати, чувствуя себя чужой в этом пространстве. Он лег рядом, на расстоянии, но она чувствовала его тепло, его дыхание, запах его кожи — смесь табака, дорогого одеколона и чего-то другого, неуловимого. Он не прикасался к ней. Просто лежал и смотрел в потолок. Смотрел так, будто видел там призраков.

— Ты когда-нибудь терял кого-то, Константин? — спросила она тихо, нарушая тишину.

Он повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах мелькнула боль, такая глубокая, что Лера на мгновение за-

была, кто она и зачем здесь.

— Потерял? — повторил он, и его голос дрогнул. — Я потерял все, что имел. И каждый раз, когда мне казалось, что я нашел что-то настоящее, это исчезало. Как дым.

Он отвернулся, и Лера увидела, как его рука сжалась в кулак. Она молчала, но внутри нее разворачивалась буря. Этот человек, который разрушил жизнь ее сестры, сейчас лежал рядом с ней и говорил о боли так, будто он был жертвой. Это было нелогично. Это было неправильно. Она должна была ненавидеть его, но в этот момент она почувствовала нечто другое — сомнение.

Прошло несколько минут, и она услышала, как его дыхание стало ровным и глубоким. Он уснул. Она лежала неподвижно, глядя в полумрак, и мысль, которую она пыталась заглушить, вдруг вырвалась наружу: «А что, если он не убивал Алису?»

Она покачала головой, отгоняя эту мысль, но она вернулась с новой силой. Она вспомнила его лицо, когда он произнес имя сестры. Там не было злобы. Только боль. Это было не похоже на победителя, наслаждающегося своей жертвой. Это было похоже на скорбящего.

Лера закрыла глаза и постаралась уснуть. Но сон не шел. Она лежала и слушала его дыхание, а в голове прокручивались все факты, которые она знала. Алиса была убита. Морозов сказал, что Корсаков убил ее. Но почему он хранит ее фотографию? Почему говорит о ней с такой болью? И поче-

му кто-то из его окружения пытается напугать ее и подставить?

Она не нашла ответов, но когда наступило утро, она почувствовала, что ее ненависть к Корсакову стала менее однозначной. Это было опасно. Она не могла позволить себе усомниться. Месть была единственным, что держало ее на плаву.

Он проснулся раньше нее и уже стоял у окна, одетый в черный костюм. Он не обернулся, когда она села на кровати.

— Сегодня ты будешь обедать со мной в городе, — сказал он. — Надень что-нибудь, что не привлекает внимания. Мы едем в одно место, где я хочу тебе кое-что показать.

Лера встала и подошла к нему. Она стояла рядом, глядя на парк за окном. Туман рассеялся, и солнце пробивалось сквозь ветви деревьев.

— Что вы хотите мне показать, господин? — спросила она тихо.

Он повернулся к ней, и в его взгляде не было холода. На мгновение она увидела в нем человека, который хотел довериться кому-то. Но тут же маска вернулась на место.

— Ты узнаешь, когда мы приедем, — ответил он. — Соберись.

Она пошла в свою комнату, но на пороге обернулась. Он стоял и смотрел на нее. И в его взгляде было что-то, от чего у нее сжалось сердце. Это была надежда. Такая же хрупкая, как она сама. И в этот момент Лера поняла: она больше

не знает, где правда, а где ложь. И эта неизвестность была страшнее любой угрозы.

Глава 5. Первое нарушение

Глава 5. Первое нарушение

Ресторан оказался маленьким, спрятанным в одном из старых переулков центра, где время, казалось, остановилось лет пятьдесят назад. Дубовые панели на стенах, приглушенный свет керосиновых ламп, ни одного телефона на столах. Здесь не было меню — официант просто подошел и спросил, что они желают, как будто знал их вкусы заранее. Корсаков сделал заказ на французском, и Лера удивилась тому, как легко и красиво звучат эти слова в его устах. Он был другим здесь. Менее жестким, более живым.

Она сидела напротив него, и свет лампы играл на его скулах, делая их еще более острыми. Он смотрел на нее с легким любопытством, которое она не могла расшифровать. За три дня она привыкла к его контролю, к его холодным приказам, к тому, как он управлял каждым ее движением. Но сегодня, в этом уютном ресторане, он казался почти обычным человеком. Почти.

— Ты знаешь, что я сегодня нарушу одно из твоих правил, господин? — сказала она, поднимая бокал с вином. Ее голос звучал ровно, но сердце билось где-то в горле. Она решила проверить его. Сознательно. Хладнокровно. Как учил ее Морозов: «Давление показывает истинную природу человека. Нажми — и увидишь, кто перед тобой».

Он поднял бровь, и в его серых глазах мелькнул интерес.

— Какое именно правило ты собираешься нарушить? — спросил он, откидываясь на спинку стула. Его голос был спокойным, даже вкрадчивым, но она чувствовала, как в воздухе сгущается напряжение.

— Я не буду ждать твоего разрешения, чтобы заговорить, когда захочу, — ответила она, и ее губы тронула легкая улыбка. — Я просто скажу то, что думаю. Сейчас. Прямо здесь.

Он усмехнулся, но в его усмешке не было тепла. Было что-то другое — любопытство, смешанное с опасностью.

— Говори, — разрешил он, но его голос прозвучал как стальной клинок.

Лера сделала глоток вина, наслаждаясь моментом. Она видела, как он напрягся, как его пальцы сжали край стола. Она впервые чувствовала себя не жертвой, а охотницей. Это было опьяняюще.

— Почему ты хранишь фотографию Алисы? — спросила она прямо. — Ты убил ее. Но ты держишь ее фото в столовой, на видном месте. Это нелогично. Это странно. Это...

Она не договорила, потому что он резко поднялся из-за стола. Его стул с грохотом отодвинулся назад, и на секунду в ресторане воцарилась тишина. Все головы повернулись к ним. Но Корсаков, казалось, не замечал никого. Он смотрел только на нее, и в его глазах горел холодный огонь.

— Ты переходишь границы, Валерия, — произнес он тихо, но в его голосе слышалась едва сдерживаемая ярость. —

Я не давал тебе права говорить об этом.

Лера не отвела взгляда. Она сидела неподвижно, глядя ему в глаза, и чувствовала, как адреналин разливается по венам. Она была на грани, и это одновременно пугало и пьянило ее.

— Ты не давал мне права, — согласилась она. — Но я все равно спросила. Потому что я хочу знать правду. Ты убил ее или нет?

Секунды растянулись в вечность. Он смотрел на нее, и Лера видела, как его лицо меняется. От ярости к боли, от боли к чему-то, что она не могла распознать. Он сделал шаг к ней, и его рука легла на ее плечо, сжимая его почти до боли. Он наклонился к ее уху, и его голос прозвучал как шепот смерти.

— Если ты еще раз произнесешь ее имя при мне, я заставлю тебя пожалеть об этом. Ты не знаешь, о чем говоришь. Ты не знаешь, что произошло. И ты не узнаешь. Ты просто будешь молчать и делать то, что тебе говорят. Ты поняла?

Его пальцы сжимали ее плечо так сильно, что она чувствовала, как они оставляют синяки. Но она не дрогнула. Она смотрела в его глаза и видела там ту же боль, которую заметила ночью. Он страдал. Он страдал из-за Алисы. Это не было похоже на убийцу, наслаждающегося своей властью. Это было похоже на человека, который потерял что-то бесценное.

— Я поняла, господин, — ответила она тихо, и он отпустил ее.

Он сел на свое место, взял бокал и осушил его одним глотком. Официант принес заказ, но ни один из них не приоткрылся к еде. Тишина между ними была тяжелой, как свинец. Лера чувствовала его гнев, но она также чувствовала его смятение. Она попала в точку. Она задела что-то важное. И это было ее первое настоящее оружие.

Они поехали обратно в особняк в полной тишине. Он не смотрел на нее, не говорил ни слова. Просто сидел с каменным лицом, уставившись в окно. Она сидела на краю сиденья, готовая к тому, что он вышвырнет ее из машины в любую минуту. Но он этого не сделал.

Когда они вернулись, он молча прошел в свой кабинет, и она осталась стоять в холле одна. Лера перевела дыхание и подошла к лестнице, но внезапно услышала его голос из кабинета:

— Валерия. Зайди.

Она вошла. Он стоял у окна, спиной к ней. В его руке был тот самый конверт, который она видела в первый раз. Он развернулся, и его лицо было спокойным, почти безмятежным. Это было страшнее, чем ярость.

— Ты хотела правды? — сказал он, глядя ей в глаза. — Я дам тебе правду. Но ты должна будешь заплатить за нее. Ты готова?

Она сглотнула и кивнула. Он подошел к ней и вложил конверт в ее руки. Когда она открыла его, внутри оказалась фотография. На ней была Алиса, но не та, которую Лера знала.

Она была в белом платье, и рядом с ней стоял Константин. Они оба улыбались. Счастье было написано на их лицах. Это была не просто знакомая фотография. Это было доказательство. Они любили друг друга.

Лера подняла глаза, и в них стояли слезы, которые она не могла сдержать.

— Это ты убил ее? — спросила она, и ее голос дрогнул.

Он посмотрел на нее, и в его взгляде было что-то, что разбило ее сердце на тысячи осколков.

— Нет, — ответил он, и его голос был полон боли. — Я любил ее. Я пытался спасти ее. Но она умерла из-за меня. Я не убивал ее, Валерия. Но я не могу простить себя за то, что не смог защитить ее. И если ты хочешь отомстить мне за ее смерть, то ты опоздала. Я наказываю себя каждый день.

Лера стояла, чувствуя, как мир рушится вокруг нее. Ее враг говорил ей, что невиновен. Ее ненависть, которая была ее движущей силой, начала таять, как снег под солнцем. Она не знала, кому верить: Морозову, который привел ее сюда, или мужчине, который стоял перед ней с болью в глазах.

Она сделала шаг назад и наткнулась на дверной косяк. Ее руки дрожали, и фотография выскользнула из пальцев. Она упала на пол, и стекло разбилось вдребезги. Но ни один из них не пошевелился, чтобы поднять ее.

— Кто тогда убил ее? — прошептала Лера, и ее голос звучал как мольба. — Кто? Скажи мне. Я должна знать.

Корсаков покачал головой, и его лицо снова стало камен-

НЫМ.

— Ты не готова к этому ответу, — сказал он. — Иди в свою комнату. Оставь меня. Пожалуйста.

Это последнее слово — «пожалуйста» — прозвучало как удар. Он никогда не просил. Он всегда приказывал. Но сейчас он просил. Лера развернулась и выбежала из кабинета, чувствуя, как слезы текут по щекам. Она бежала по коридору, не разбирая дороги, и влетела в свою комнату, захлопнув дверь.

Она упала на кровать и разрыдалась. Не от страха. Не от боли. От потери. От того, что она поняла: ее враг был не врагом. Он был жертвой. И кто-то использовал его, чтобы скрыть свою собственную вину. Кто-то, кто все еще был рядом. Кто-то, кто знал правду и хотел, чтобы она продолжала убивать невинного человека.

Она подняла голову и посмотрела на дверь. Ее телефон лежал на столе. Она встала и взяла его. Пальцы дрожали, когда она набирала сообщение Морозову: «Кто убил Алису? Скажи мне правду. Или я найду ее сама».

Она отправила сообщение, но ответа не было. Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. И вдруг телефон завибрировал. Она поднесла его к глазам, но на экране было не сообщение от Морозова. Это было сообщение с незнакомого номера. Всего одно слово: «Молчи».

И сразу же, как по команде, в коридоре раздались тяжелые шаги. Лера замерла, чувствуя, как ледяной холод проникает

в ее сердце. Кто-то шел к ее комнате. И этот кто-то знал, что она только что написала.

Глава 6. Его прошлое

Глава 6. Его прошлое

Шаги затихли у самой двери. Лера замерла, прижимая телефон к груди, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Она ждала удара — физического или психологического, — но вместо этого услышала легкое царапанье, словно кто-то провел ногтем по дереву. Потом наступила тишина. Глубокая, звенящая тишина, которая давила на уши.

Она подошла к двери на цыпочках, стараясь не шуметь, и приложила ухо к холодной древесине. Ни звука. Она медленно повернула ручку, готовясь к тому, что кто-то ворвется внутрь. Дверь открылась. Коридор был пуст. Только на полу лежал ключ — старый, бронзовый, с резной головкой в виде женского лица. Лера подняла его, повертела в руках. Он был тяжелым, словно отлитым из чистого металла. На оборотной стороне была выгравирована буква «А».

Алиса. Это был ключ от чего-то, что принадлежало ее сестре. Лера сжала его в ладони, чувствуя, как внутри разгорается новая надежда. Она должна была найти, что им открывается. Это мог быть шкаф, комната, сейф. Она знала, что в этом доме есть места, куда ей запрещено заходить. И теперь у нее был ключ.

Она быстро оделась, накинула легкий кардиган и выскользнула в коридор. Особняк спал. Часы в холле показы-

вали половину первого ночи. Охрана была на постах, но она уже изучила их маршруты за эти дни — каждые сорок минут они обходили периметр, оставляя внутренние коридоры без присмотра на двадцать минут. У нее было время.

Она двинулась на второй этаж, туда, где находился кабинет Корсакова. Раньше она видела там запертую дверь в углу — небольшую, почти незаметную среди книжных шкафов. Она подошла к ней, прислушалась. Тишина. Она вставила ключ в замочную скважину, и он вошел идеально, как будто был сделан именно для этого замка. Сердце ее бешено колотилось, когда она повернула его. Щелчок. Дверь открылась.

Внутри была маленькая комната — почти чулан. Но то, что она увидела, заставило ее замереть на пороге. Стены были покрыты фотографиями. Сотни фотографий. Все — Алиса. Алиса на пляже, Алиса в парке, Алиса за чтением книги, Алиса с Корсаковым, улыбающаяся так, как Лера не видела ее уже много лет. Это был алтарь. Место, где человек хранил память о том, кого потерял.

Лера шагнула внутрь, чувствуя, как слезы подступают к горлу. В центре комнаты стоял старый письменный стол, и на нем лежала раскрытая тетрадь в кожаном переплете. Дневник. Она подошла ближе и провела пальцами по страницам, исписанным знакомым почерком. Это была Алиса. Ее сестра вела дневник.

Она начала читать, и каждая строчка пронзала ее сердце, как нож.

«6 марта. Костя сегодня пришел поздно. Он был бледен, и я видела, что он чем-то напуган. Он сказал, что его партнер, Соболев, угрожал ему. Что-то о деньгах, о сделке, которая пошла не так. Костя боится его. Я никогда не видела его таким. Он сказал, что если с ним что-то случится, я должна уехать. Уехать и никогда не оглядываться. Но я не могу. Я люблю его. Я останусь с ним, что бы ни случилось».

Лера перевернула страницу. Дрожащими пальцами она водила по строчкам, чувствуя, как ком в горле становится все больше.

«14 апреля. Соболев звонил мне. Он сказал, что знает о нас. Что у него есть компромат на Костю, и он уничтожит его, если я не помогу. Он хочет, чтобы я следила за Костей. Чтобы я передавала ему информацию. Я отказалась. Я сказала, что скорее умру, чем предам его. Соболев засмеялся. Он сказал, что я умру в любом случае, если не буду сотрудничать. Я испугалась. Я не знаю, что делать».

Лера сжала страницы так сильно, что они помялись. Соболев. Это имя снова всплыло. Тот самый партнер, который исчез два года назад. Морозов ничего не говорил о нем. Но теперь Лера понимала: это был он. Это он убил Алису. Или приказал убить.

Она перелистнула на последнюю страницу. Там было написано кровью. Буквы были неровными, дрожащими, но она смогла разобрать:

«18 мая. Я знаю, что меня убьют. Соболев прислал людей.

Они ждут снаружи. Я звоню Косте, но он не берет трубку. Я пишу это, чтобы ты знала, Лера. Если ты когда-нибудь найдешь этот дневник, запомни: Костя не виноват. Это Соболев. Он убил меня. Но Костя думает, что это он виноват, потому что не смог защитить меня. Он не знает правды. Он не знает, что это Соболев все подстроил. Скажи ему. Пожалуйста, скажи ему. Я люблю вас обоих. Прощай».

Слезы текли по щекам Леры, падая на страницы. Она закрыла дневник и прижала его к груди, чувствуя, как боль разрывает ее изнутри. Все это время она ненавидела не того человека. Все это время она была пешкой в чужой игре. Морозов использовал ее, направил ее гнев на невинного человека. Но зачем? Зачем ему это было нужно?

Она услышала шаги за дверью и замерла. Кто-то шел по коридору. Она быстро положила дневник обратно на стол, но не успела закрыть дверь — она распахнулась, и на пороге стоял Корсаков. Его лицо было бледным, глаза расширены от удивления и гнева.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, и его голос звучал хрипло. — Как ты нашла эту комнату?

Лера не могла говорить. Ее губы дрожали, а руки тряслись. Она показала ему ключ, который все еще сжимала в кулаке.

— Его подложили мне под дверь, — прошептала она. — Я должна была найти правду. Я должна была узнать.

Он шагнул в комнату, и его взгляд упал на дневник, лежа-

щий на столе. Он замер, и Лера увидела, как все краски исчезли с его лица. Он медленно подошел к столу, взял дневник и открыл его на последней странице. Читал он молча, но Лера видела, как его пальцы побелели от напряжения. Когда он поднял глаза, в них стояли слезы.

— Ты знала, — сказал он тихо, глядя на нее. — Ты знала о Соболеве. Ты знала, что он угрожал ей. И ты ничего не сказала мне.

— Я не знала, — ответила Лера, и ее голос сломался. — Я только что прочитала это. Я думала, что это ты убил ее. Мне сказали, что это ты. Морозов сказал, что ты виноват.

Глаза Корсакова вспыхнули яростью.

— Морозов? — переспросил он, и в его голосе прозвучала сталь. — Дмитрий Морозов? Он тот, кто привел тебя сюда?

Она кивнула, чувствуя, как страх и стыд смешиваются в груди.

— Он сказал, что вы — убийца, — прошептала она. — Он сказал, что вы убили Алису. Он дал мне цель. Он дал мне месть.

Корсаков рассмеялся, но в его смехе не было радости. Это был горький, надрывный смех человека, который потерял все.

— Дмитрий Морозов, — повторил он, и его голос стал ледяным. — Он был лучшим другом моего отца. Он знал Алису с детства. Он всегда хотел ее. Он предлагал ей деньги, власть, все, что она могла пожелать. Но она выбрала ме-

ня. Он не простил ее. И когда Соболев начал шантажировать меня, Морозов понял, что это его шанс. Он объединился с Соболевым. Они убили Алису, чтобы наказать меня. И чтобы ты уничтожила меня изнутри, они послали тебя. Ты была идеальной куклой для их игры.

Лера покачнулась. Все встало на свои места. Морозов использовал ее гнев и боль, чтобы уничтожить Корсакова. Он играл с ней, как с марионеткой. Она была не охотницей. Она была оружием в руках настоящего злодея.

— Я не знала, — прошептала она, и слезы снова потекли по ее щекам. — Я не знала. Прости меня. Прости.

Он подошел к ней и взял ее лицо в свои ладони. Его пальцы были теплыми, и она чувствовала, как его руки дрожат.

— Я не могу простить тебя, — сказал он тихо. — Ты пришла, чтобы разрушить меня. Ты почти добила этого. Но я не могу ненавидеть тебя, потому что ты — последнее, что осталось у меня от Алисы. Ее сестра. Ее кровь.

Он притянул ее к себе и обнял. Лера уткнулась лицом в его грудь и разрыдалась. Она плакала за Алису, за него, за себя. За все, что было разрушено ложью. Он держал ее, и она чувствовала его боль так же остро, как свою собственную.

Когда она подняла голову, в его глазах больше не было холода. Только боль и решимость.

— Морозов и Соболев еще здесь, — сказал он. — Они ждут. Они хотят видеть, как я разрушусь. Но я не дам им этого. Мы остановим их. Вместе. Ты готова?

Лера посмотрела на него и кивнула. Впервые за четыре года она не чувствовала себя одинокой. Но в глубине души она знала: игра только начинается. И ставки стали выше, чем когда-либо.

Глава 7. Маленькая победа

Глава 7. Маленькая победа

Они простояли в объятиях несколько минут, и Лера чувствовала, как дрожит его тело. Сильный, холодный, неприступный Константин Корсаков плакал. Тихо, беззвучно, но его плечи вздрагивали, и его пальцы впивались в ее плечи так, будто она была единственным якорем, удерживающим его в реальности. Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем он отстранился. Его глаза были красными, но голос уже обрел привычную сталь.

— Нам нужно действовать быстро, — сказал он, вытирая лицо ладонью. — Морозов не должен знать, что ты все поняла. Он продолжит следить за тобой. Он будет ждать, когда ты совершишь ошибку.

Лера кивнула, вытирая слезы. Ее мысли прояснились, словно пелена спала с глаз. Она больше не была марионеткой. Теперь она знала правду, и это знание было ее оружием.

— Он говорил, что будет связываться со мной через зашифрованные сообщения, — сказала она. — У меня есть его номер. Я могу притвориться, что все идет по плану. Что я продолжаю собирать на тебя компромат.

Корсаков нахмурился, и его взгляд стал жестче.

— Это опасно. Если он заподозрит, что ты переметнулась, он убьет тебя. Он не остановится ни перед чем.

— Я знаю, — ответила она, и в ее голосе прозвучала та же сталь, что и в его. — Но я не боюсь его. Я боюсь только одного — снова оказаться в неведении. Я хочу видеть его лицо, когда он поймет, что проиграл.

Он посмотрел на нее с уважением, и в его глазах мелькнуло что-то новое. Не холод, не боль. Понимание.

— Тогда слушай, — сказал он, подходя к столу и открывая ящик. Он достал небольшой флеш-накопитель и протянул его ей. — Это копия всего, что я собрал на Морозова за последние два года. Его финансовые махинации, связи с криминалом, доказательства того, что он заказывал убийства. Я копил это, чтобы уничтожить его, но у меня не было возможности добраться до самого главного.

— До чего? — спросила Лера.

— До его персонального компьютера. Он хранит все в своем домашнем кабинете. Там же — доказательства того, что он убил Алису. Прямые улики. Он любит записывать свои разговоры. Я знаю это. Я следил за ним достаточно долго, чтобы быть уверенным.

Лера сжала флешку в руке, чувствуя, как адреналин разливается по венам.

— Я достану их, — сказала она. — Скажи, что мне нужно делать.

Через два дня они разработали план. Морозов пригласил Корсакова на деловой ужин в ресторан на другом конце города. Это была ловушка, которую Морозов расставил, чтобы

проверить, насколько глубоко Лера внедрилась в жизнь Корсакова. Сам того не зная, он дал им идеальное прикрытие.

Лера стояла перед зеркалом в своей комнате, вглядываясь в свое отражение. На ней было платье, которое выбрал Корсаков — черное, облегающее, с высоким разрезом. Оно делало ее похожей на дорогую куклу, идеальную игрушку для богатого человека. Именно такой ее хотел видеть Морозов. Именно такую роль она должна была сыграть.

Она нанесла алую помаду, подвела глаза, сделала прическу — волосы спадали на плечи мягкими волнами. Взгляд в зеркале был холодным и расчетливым. Она больше не была жертвой. Она была хищником, который готовился к охоте.

Когда она спустилась в холл, Корсаков уже ждал ее. Он был одет в черный костюм, и на его лице не было ни тени эмоций — только ледяная маска, которую он носил для внешнего мира. Но когда его взгляд упал на нее, в его глазах мелькнуло что-то теплое, быстрое, как вспышка. Он подошел к ней, взял ее за руку и наклонился к уху.

— Ты выглядишь потрясающе, — прошептал он. — Он не сможет отвести от тебя взгляд. Это даст тебе время.

— Я знаю, — ответила она так же тихо. — Удачи, Константин.

Он сжал ее пальцы и кивнул.

Ресторан был роскошным — хрустальные люстры, белые скатерти, живая музыка. Морозов сидел за столиком в углу, и когда он увидел Леру на руке Корсакова, его глаза загоре-

лись холодным торжеством. Он думал, что выигрывает. Он думал, что его кукла делает свое дело.

— Константин, — приветствовал он их, поднимаясь. — Рад видеть тебя. И тебя, Валерия. Ты сегодня просто великолепна.

Лера улыбнулась, вкладывая в улыбку весь холод, на который была способна.

— Благодарю, Дмитрий Сергеевич, — ответила она, и ее голос был мягким и покорным, как у идеальной куклы.

Они сели. Морозов начал говорить о делах, о сделках, о том, как у него все идет хорошо, но Лера не слушала его. Она чувствовала на себе его взгляд — тяжелый, оценивающий, собственнический. Он наслаждался своей властью. Он думал, что контролирует все.

Когда подали первое блюдо, Лера извинилась и направилась в туалет. Она шла по коридору, чувствуя, как сердце колотится в груди. Она прошла мимо туалетной комнаты и свернула в служебный проход, который вел к кабинетам. Корсаков заранее узнал, что Морозов арендовал здесь частную комнату для встреч. И у нее было двадцать минут, пока они будут заняты ужином.

Она подошла к двери кабинета. Код на замке был тем же, что и у Морозова в особняке — Корсаков вычислил его давно. Она набрала комбинацию, и дверь бесшумно открылась.

Внутри было темно. Она включила свет на телефоне и быстро прошла к столу. Компьютер был включен. Морозов

забыл выключить его — или не ожидал, что кто-то сможет пробраться сюда. Лера села за стол и начала лихорадочно просматривать папки. Она искала аудиофайлы, записи разговоров. Ее пальцы дрожали, но она заставляла себя быть быстрой и точной.

Она нашла папку с названием «Алиса». Открыла ее. Там были десятки файлов. Она выбрала самый последний по дате и нажала воспроизведение. Голос Алисы раздался в тишине, и у Леры перехватило дыхание.

«Я знаю, что ты хочешь убить меня, Морозов. Но я не боюсь тебя. Я оставила письмо. Если со мной что-то случится, оно будет опубликовано. Все узнают правду о тебе. О твоих сделках, о твоих убийствах. Костя будет защищать меня. Ты не победишь».

Голос прервался. Потом раздался смех Морозова — холодный, жестокий.

«Ты глупая, Алиса. Твой Костя не сможет защитить тебя. Он не знает, что я планирую. Он думает, что я его друг. А ты скоро умрешь. И он будет винить себя до конца своих дней. Это будет моей мстью».

Лера сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Она скопировала все файлы на флешку, вставив ее в компьютер. Процесс копирования длился вечность. Каждая секунда тянулась, как час. Она слышала, как где-то в ресторане играет музыка, как официанты разносят блюда. Она была на грани.

Когда копирование завершилось, она вытащила флешку и быстро закрыла все папки. Она уже собиралась выйти, как вдруг услышала шаги в коридоре. Кто-то шел сюда. Она замерла, прислушиваясь. Шаги приближались. Она метнулась к гардеробному шкафу и спряталась за его дверцами, прижимая флешку к груди.

Дверь открылась. Вошел Морозов. Он включил свет и подошел к столу. Лера смотрела на него через щель, затаив дыхание. Он что-то искал на столе, рылся в бумагах. Потом достал телефон и набрал номер.

— Да, я здесь, — сказал он в трубку. — Проверь, все ли чисто. Я хочу, чтобы она была готова к завтрашнему дню. Мы начнем операцию. Соболев уже в городе. Он ждет моего сигнала.

Лера похолодела. Соболев жив. Он был здесь. В городе. И Морозов готовил что-то, что должно было уничтожить Корсакова.

Морозов закончил разговор и вышел из кабинета, не заметив ее. Лера выдохнула, чувствуя, как пот стекает по спине. Она выскользнула из кабинета и быстро вернулась в ресторан, сев за столик как ни в чем не бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.